

гой стороны. Группа плененных горцами русских солдат во главе с офицером. Однако приказ Батала – командира отряда повстанцев, выполнен не до конца: офицера расстреливают, а солдат щадят. Батал расспрашивает их.

Батал: *В чем провинились горцы перед вами? Зачем вы разоряете их, разлучаете горцев с родными горами? Что плохого они вам сделали?*

Один из солдат: *Что мы можем знать?! Мы вынуждены идти туда, куда нас гонят...* (с. 205).

О том, что перед этим случилось, мы узнаем из реплики другого солдата: *«Мы сами не знаем, что делаем. Что с нами делают?.. Недавно мы группой шли по тропинке и заметили одного горца, который пахал землю, у него на плече висело ружье. “Дайте мне ружье”, – сказал наш офицер, и выстрелил в него. Он убил пахаря и запряженных быков. Когда мы подошли ближе, то увидели ужасное зрелище: убитые пахарь и быки лежали рядом с плугом. Я долго стоял над пахарем и думал: зачем мы убили его, в чем он провинился. Я искренне пожалел его».* Выслушав рассказ пленного, Батал отвечает: *«Солдаты! Мы не собираемся в вас стрелять... Не вы виноваты в наших бедах и страданиях...»* (с. 210).

Как видим, на оценку персонажей у С. Чанбы влияет объективное определение характера русско-кавказской войны, целей и задач Российской и Турецкой империй на Кавказе. Писатель создал

систему образов, ярко раскрывающую характеры, мировосприятие людей трагического времени. Поведение персонажей писатель рассматривал в основном через призму абхазского этикета – апсуара, он осуждал предательство, завоевателей, восхвалял таких борцов за свободу народа, как Батал, Темуры, Щазина и др.

Несмотря на всю противоречивость творчества и судьбы, идейно-эстетическая система координат, выстроившая художественную и публицистическую платформу Самсона Чанбы, была и остается значимой для развития абхазской национальной литературы и культуры. На современном этапе важно извлечь нравственные, духовные и геополитические уроки из глубоко понятой им метафизической подоплеку махаджирства.

Литература

1. *Бородай Ю. М.* Эротика. Смерть. Табу. Трагедия человеческого сознания. М., 1996. С. 416.
2. *Дегоев В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001. С. 203.
3. *Гумилев Л. Н.* Этносы и антиэтносы // Звезда. 1990. № 1. С. 134–149.
4. *Солоневич И. Л.* Народная монархия. М., 1991. С. 512.
5. *Чанба С.* Сочинения. Сухуми, 1987. С. 43. Далее ссылки на это издание даны в тексте (в скобках указывается номер стр.).
6. *Гулиа Д.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Сухуми, 1986. С. 68.

S. V. BOGATYREVA. TRAGEDY OF MUHAJIRISM IN SAMSON CHANBA'S SYSTEM OF IDEOLOGIC AND AESTHETIC COORDINATES

Researching the metaphysical radicals of muhajirism in the context of modern historiosophic doctrine, the author of the article elucidates the ideological and creative evolution of the writer S. Chanba as a feature peculiar to genesis of the current Abkhazian literature.

Key words: *creative work of S. Chanba, muhajirism, national identity, ethnos.*

Л. Н. ТАТАРИНОВА

МОТИВ МОЛЧАНИЯ В ДУХОВНОЙ ПОЭЗИИ РОНАЛЬДА СТЮАРТА ТОМАСА

В статье исследуются три ранних стихотворения («В церкви», «В деревенской церкви», «Пустая церковь») известного английского религиозного поэта XX века Рональда Стюарта Томаса.

Ключевые слова: *английский (валлийский) поэт-священник Р. С. Томас, мотив молчания, тема Креста, религиозная поэзия.*

Молчание – одна из центральных категорий в христианской богословской литературе. Немало внимания посвятил ей в своей знаменитой книге «Лествица» Иоанн Лествичник (VI в.), сам многие годы державший обет молчания. В одной из православных молитв Иисус Христос именуется «начальником тишины». Тишина и молчание как пути углубленного постижения законов бытия, единения с природой, познания себя прославлены и у авторов современных, например, у иеромо-

наха Псково-Печерского монастыря отца Романа (Матюшина).

Что касается английской поэзии, то нельзя не вспомнить знаменитые слова из заключительной части знаменитой шекспировской трагедии: «*The rest is silence*» («Дальнейшее – молчание»), где *silence* является ответом на все вопросы, заданные в ключевом монологе Гамлета «Быть или не быть», – вопросы о том, что будет после смерти. «Молчание» ставит не точку, а многоточие,

подчеркивая тайну смерти, непостижимость ее для человеческого сознания. Трагедию «Гамлет» можно отнести к философской поэзии, но духовная лирика в английской литературе тоже имеет глубокие традиции, прежде всего у поэтов XVII века, представителей Барроко (Джон Мильтон, Джон Донн). Затем развитие этой ветви приоткрылось почти на два столетия: XVII–XIX века были временем романа. В последней трети XIX века, в период, который считается расцветом декаданса, интерес к религиозным ценностям снова начал возрастать. Из среды прерафаэлитов раздался абсолютно свежий своеобразный голос нового поэта – Кристины Россетти (сестра знаменитого художника Данте Габриэля Россетти). Это время отмечено также Оксфордским религиозным движением и влиянием католицизма, нашедшим отражение в творчестве двух великих английских поэтов конца XIX столетия – Френсиса Томпсона и Джеральда Мэнли Хопкинса.

В XX веке эту традицию продолжил поэт-священник Рональд Стюарт Томас (1913–2000). Он родился и большую часть своей жизни прожил в Уэльсе, и, хотя иногда его называют уэльским поэтом, писал на английском языке, а не на валлийском, который изучил значительно позже. В 1936 году он окончил англиканский богословский колледж Святого Михаила и принял священнический сан. Около 12 лет (1942–1954) был пастором в маленькой деревне Манафон, где он и начал писать первые стихи. Всего за свою жизнь он написал их более полутора тысяч. Томасу часто задавали вопрос: как он может совмещать деятельность священника и поэта? Он всегда отвечал, что тут нет никакого противоречия, так как «поэзия и религия родственны по своим задачам и запросам», – недаром говорят: «Книга стихов Евангелия». «Мир нуждается в универсальной силе воображения, – утверждал поэт. – Есть две вещи, которые это лучше всего обеспечивают, – поэзия и религия» [1]. В одном интервью 1972 года Томас назвал Иисуса Христа поэтом, а воскресение «метафорой» (если метафору понимать как «попытку возвести опыт жизни к новым смыслам <...> возвысить обыденное до более высокого уровня бытия») [2]. Любовь к тишине, нашедшая отражение в творчестве Томаса, отнюдь не случайна: она тесно связана с психологическим и духовным складом его личности. Известно, что он презирал технический прогресс и стремился всегда жить в маленьких деревнях, избегая шумных городов. Единственный сын Томаса впоследствии рассказывал, что его отец вел аскетический образ жизни и проповедовал отказ от таких благ цивилизации, как холодильники, стиральные машины и пр.

Самое, пожалуй, известное стихотворение Томаса – «Яркое поле» («The Bright Field»). Но для анализа мы выбрали три наиболее характерных небольших стихотворения из его раннего творчества; все они (что отражено и в названиях) посвящены образу Церкви, который сопрягается с образом тишины и молчания.

Тема молчания появляется уже в первых строках стихотворения «В деревенской церкви» («In

Country Church», 1955). «*To one kneeling down no word came, / Only the wind's song, saddening the lips / Of the grave saints, rigid in glass; / Or the dry whisper of unseen wings, / Bats not angels, in the high roof. / Was he balked by silence? He kneeled long, / And saw love in a dark crown / Of thorns blazing, and a winter tree / Golden with fruit of a man's body*» [3]. – «К коленопреклоненному не пришло ни одно слово / Только песня ветра, печалующего губы / Грустных святых, неподвижных в иконах; / Или сухой шорох невидимых крыльев, / Летучих мышей, Не ангелов под высокой крышей. / Мешала ли ему тишина? Он долго стоял на коленях. / И увидел любовь в темной короне / Из сверкающих шипов и зимнее дерево, / Золотящееся плодом человеческого тела».

Отметим, что характерные для поэзии Томаса многочисленные переносы (начинается предложение на одной строчке, а продолжается на другой) создают ощущение непрерывности и в то же время некоторой затрудненности, не плавности текста – вносится как бы элемент раздумий. В стихотворении мы видим человека в молитве на коленях, очевидно, он ждет неких знаков, но их нет (*no word came*); даже святые выглядят грустными, а вместо ангелов располагаются летучие мыши. Есть все основания для скепсиса и пессимизма, но концовка создает неожиданный эффект: на «зимнем дереве» происходит чудо. «Золотой плод» (*fruit*) – Распятие Иисуса, которое дано увидеть молящемуся. Значит, молитва не бесполезна, а молчание Бога – вовсе не молчание, а особый вид общения.

Близким по тематике и художественному решению является стихотворение с похожим названием «В церкви» («In a Church», 1966). Обратим внимание на неопределенный артикль в заголовке, который означает, что речь идет не о конкретной церкви, а о церкви как таковой. «*Often I try / To analyze the quality / Of its silences. Is this where God hides / From my searching? I have stopped to listen, / After the few people have gone, / To the air recomposing itself / For vigil. It has waited like this / Since the stones grouped themselves about it. / These are the hard ribs / Of a body that our prayers have failed / To animate. Shadows advance / From there corners to take possession / Of places the light held / For an hour. The bats resume / Their business. The uneasiness of the pews / Ceases. There is no other sound / In the darkness but the sound of a man / Breathing, testing his faith / On emptiness, nailing his questions / One by one to an untenanted cross*» [4]. – «Часто я пытаюсь / Анализировать качество / Этой тишины. Там ли это, где прячется Господь / От моих поисков? Я перестал слушать / После того как несколько людей ушли / к успокоительной атмосфере / Своего бодрствования. Это продолжается с тех пор / Как здесь расположились камни. / Что нашим молитвенникам не удастся / Оживить – так это жесткие ребра Его тела / Тени надвигаются / От углов, чтобы завладеть / Местами света / Хотя бы на час / Летучие мыши начинают вновь / Своё действие. И неудобство церковной скамьи / Прекращается. Нет никакого иного звука / В темноте,

кроме дыхания человека / Проверяющего свою веру / Пустотой, пригвождающего свои вопросы / К незанятому кресту».

У Томаса церковь – не место обитания Бога (традиционное понимание), а место, где «прячется» Бог, где Его можно лишь искать, прислушиваясь к тишине. Эту тишину (в оригинале сказано «*Of its silences*») – в форме множ. ч., что невозможно для отвлеченных понятий ни в русском, ни в английском языках) он «анализирует»: мистическое и рациональное странным образом объединяются. Английский исследователь Дени Филлипс употребил в названии своей монографии об Р. С. Томасе выражение «поэт скрытого Бога» («*Poet of the Hidden God*») [5].

По Дионисию Ареопагиту, Бог постигается через отрицательные понятия, через ощущение Его отсутствия. В стихотворении «*In a Church*» заметна близость к идеям апофатического богословия. Создается очень сильный образ человека вопрошающего: он, как гвозди, вбивает свои вопросы в крест Христов. Такая вера не наивна, не безсловна, она имеет характер экзистенциалистского вызова, содержит в себе долю сомнения. В этом Томас очень современен и напоминает некоторых русских духовных поэтов XX века – таких, как Вениамин Блаженный, Игорь Меламед, Елена Шварц.

Последняя строчка стиха вызывает особенно много толкований. Так, профессор Байлорского университета Уильям В. Дэвис пишет: «Если крест пуст, то есть безлик, как это присуще Протестантской традиции, он не отрекается от факта Распятия, но полностью отвергает факт Воскресения, и скорее всего, Томас хотел усилить данным символом отсутствие Господа в людском мире» [6]. Однако, на наш взгляд, крест у Томаса – не «безликий»; *untenanted*, если перевести буквально, – «не арендованный», «вакантный». Это можно рассматривать не как мысль о неверии, о «смерти Бога», а как напоминание о том, что крестная мука может выпасть каждому, как призыв к сотрудничеству и служению. Фраза «Кто не возьмет крест свой и не последует за Мной, тот недостоин Меня» звучит сразу в трех Евангелиях (Мф. 10: 38, 39; Мк. 8: 34, 35; Лк. 9: 23, 24). Итак, молчание в данном случае выглядит как побуждение к поиску истины, к необходимости христианского выбора.

Проблеме отношений человека с Богом посвящено и стихотворение «Пустая церковь» («*The Empty Church*», 1978). «*They laid this stone trap / For him, enticing him with candles, / As though he would come like some huge moth / Out of the darkness to beat there. / Ah, he had burned himself / Before in the human flame / And escaped, leaving the reason / Torn. He will not come any more / To our lure. Why, then, do I kneel still / Striking my prayers on a stone /*

Heart? Is it in hope one / Of them will ignite yet and throw / On its illumined walls the shadow / Of someone greater than I can understand?» [7]. – «Они устроили каменную ловушку / Для него, привлекающая его свечами, / Как если бы он был огромным мотыльком, / Из темноты пришедшим на поругание. / Ах, он обжегся / Перед лицом человеческого пламени / И исчез без объяснений / Раненый. Он никогда больше не вернется / В нашу западню. Зачем же я все еще молю, / Разбивая мои молитвы о каменное / Сердце? Надежду ли я питаю, / Что одна из них зажжется все же и будет брошена / К сверкающим стенам тенью / Высшего, которого я смогу понять?»

Метафора Бога как «огромного мотылька, попавшего в ловушку и обжегшего крылья», необычна и пронзительна. Отношения человека и Бога явлены в ситуации крайнего драматизма: действия необъяснимого Бога человек пытается постичь в *пустой* церкви, которая предстает в шокирующем образе «каменной ловушки».

Картины, нарисованные в трех упомянутых стихотворениях, довольно объективны: нет ни лирического, ни романтического героя; преобладают абстрактные понятия *тишина, молчание, пустота, темнота, неподвижность, вечность*. В этом Томас близок своему предшественнику Томасу Стерну Элиоту, который выдвинул принцип «объективного коррелята» (изображение эмоций через вещи и понятия). В. Скороденко совершенно справедливо отмечает у Томаса такой прием, как «метафоризация абстрактного» [8].

Р. С. Томас – автор крайне сдержанный, интеллектуальный, выразитель экзистенциальных вопросов и скрытой боли. Молчание в его поэтическом мире означает не *отсутствие*, а *присутствие* сакрального начала; но в то же время – и его тайну, непостижимость для человеческого сознания.

Литература и примечания

1. *Thomas R. S. Selected Prose*. L., 1995. P. 131.
2. *Davis William V. R. S. Thomas: Poetry and Theology*. Waco, 2007. P. 18. Все переводы текстов, включая подстрочники стихов, сделаны автором статьи.
3. *Thomas R. S. Song at the Year's Turning: poems, 1942–1954*. Wales, 1955. P. 85. Поэтические переводы на русский язык трех анализируемых нами стихотворений отсутствуют.
4. *Thomas R. S. Pieta*. L., 1966. P. 44.
5. *Phillips D. R. S. Thomas: Poet of the Hidden God*. L., 1986.
6. *Davis William V. R. S. Thomas ...* P. 24–25.
7. *Thomas R. S. The Empty Church*. URL: <http://www.amazon.com>
8. *Скороденко В.* Томас Рональд Стюарт – уэльский поэт. URL: <http://www.scholl-essays.info>

L. N. TATARINOVA. MOTIF OF SILENCE IN SPIRITUAL POETRY OF RONALD STUART THOMAS

The article deals with three early poems («*In a Church*», «*In a Country Church*», «*Empty Church*») of the famous English religious poet of the XX century Ronald Stuart Thomas.

Key word: English (Welsh) poet-priest R. S. Thomas, motif of silence, theme of the Cross, religious poetry.